

Магистрант 3++: портрет и новые запросы

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-102-117

Буркова Ирина Николаевна – канд. физ.-мат. наук, доцент, магистрант, irburkova73@gmail.com
Школа Педагогики, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
Адрес: 690091, г. Владивосток, ул. Мордовцева, 12

Аннотация. Исключение России из Болонского процесса повлекло масштабные дискуссии в обществе о будущем отечественной магистратуры. Все 29 лет её существования реализация магистерского образования вызывала вопросы. В обществе сложилось восприятие магистратуры как проблемной зоны высшей школы. Естественно, когда встал вопрос о целесообразности развития магистратуры после выхода России из единого Европейского образовательного пространства, сформировалось мнение большинства: нет магистратуры – нет проблем. Однако объективные данные позволяют увидеть ситуацию в несколько ином свете.

В работе представлен результат исследования качественного и количественного состава обучающихся в отечественной магистратуре с 2012 по 2020 гг. Выявлены основные тенденции в изменении профиля российских магистрантов. Обозначены актуальные для развития института отечественной магистратуры задачи с фокусом на портрет сегодняшнего магистранта.

Проведённый анализ показал, что магистратура прочно заняла образовавшуюся в последние годы нишу для обучения и переобучения специалистов. Она стала самостоятельным институтом высшей школы со своими целями, задачами, ресурсами и, главное, со своим контингентом. Малая инерционность магистратуры в отклике на возникающие вызовы общества позволяет ей каждый год увеличивать свою востребованность. При этом возрастает её самоокупаемость.

Магистратура долго и мучительно встраивалась в российские традиции образования. Сейчас она наконец нашла своё место. Совокупность рассмотренных в исследовании факторов позволяет говорить о большом потенциале развития института магистратуры в России.

Представленные в работе данные и выводы могут служить основой для научной дискуссии о будущем отечественного образования.

Ключевые слова: магистерское образование, современная российская магистратура, профиль российского магистранта, тенденции развития магистратуры, дизайн магистерских программ

Для цитирования: Буркова И.Н. Магистрант 3++: портрет и новые запросы // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 10. С. 102–117. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-102-117

Master's Student 3++: Portrait and New Requests

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-102-117

Irina N. Burkova – Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., Master's student, irburkova73@gmail.com
School of Education, Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
Address: 12, Mordovtseva str., Vladivostok, 690091, Russian Federation

Abstract. The exclusion of Russia from the Bologna process led to large-scale discussions in society about the future of the Russian magistracy. The implementation of master's education raised questions throughout 29 years of its existence. Society has developed a perception of magistracy as a problem area of higher education. Thus, when the question arose about the advisability of developing a master's programs after Russia's exit from the European Higher Education Area, the majority formed their opinion: no magistracy – no problems. However, objective data allow us to see the situation in the different perspective.

The paper presents the result of a study of the qualitative and quantitative composition of students of the domestic master's programs from 2012 to 2020. Based on the analysis, the main trends in changing the profile of Russian master's students have been identified. The tasks relevant to the development of the institute of the Russian magistracy are outlined with a focus on a portrait of today's master's student.

The analysis shows that the magistracy has firmly occupied the niche formed in recent years for the training and retraining of specialists. It has become an independent institution of higher education with its own goals, objectives, resources and, most importantly, with its own contingent. The magistracy has a small inertia in response to the emerging challenges of society. Because of that the magistracy increases its demand every year. At the same time, its self-sufficiency rises.

The magistracy has been long and hard embedded into the Russian traditions of education. Finally, it has found its place. The factors considered in the study allow us to speak about the high potential for the Russian magistracy development.

The data and conclusions presented in the study can serve as the basis for a scientific discussion about the future of domestic education.

Keywords: master's education, modern Russian magistracy, Russian master's student profile, trends in master's education, design of master's program

Cite as: Burkova, I.N. (2022). Master's Student 3++: Portrait and New Requests. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 31, no. 10, pp. 102-117, doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-102-117 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Россию исключили из Болонского процесса. Встал вопрос о перспективах развития российского высшего образования (далее – ВО) в целом и магистратуры в частности. Появились мнения о целесообразности отмены в отечественной высшей школе трёхуровневой системы и перехода к классической для России системе образования «специали-

тет – аспирантура». В начале апреля 2022 г. сервис SuperJob провёл опрос 1600 респондентов из всех федеральных округов страны. Исследование показало, что 66% россиян выступают за возврат к классической системе образования. Но может ли вопрос о структуре высшего образования решаться на основе референдума? Есть ли объективные данные, которые могут лечь в основу на-

учной и общественной дискуссии о будущем отечественного образования?

Если посмотреть на часть системы ВО – магистратуру не с позиции эмоций, а с позиции фактов, то в практике организации и реализации магистерской подготовки есть как проблемные зоны, так и достижения. К проблемным зонам можно отнести следующее. С момента введения магистерской подготовки в систему отечественной высшей школы прошло почти 30 лет, но самоопределение магистратуры в поле российского профессионального образования продолжается до сих пор. В ФГОС ВО последнего (3++) поколения изменились целевые ориентиры и специфика магистратуры как уровня ВО. Однако на практике заметного обновления форматов и содержания магистерских программ не произошло. В большинстве случаев магистерская подготовка в вузах позиционируется как продолжение программ бакалавриата того же профиля и как ступень к началу академической или научной карьеры [1–4]. Такая позиция приводит к отсутствию разнообразия магистерских программ на российском рынке высшего образования [5] и не отвечает тенденциям быстроразвивающейся экономики и изменениям на рынке труда [6–9]. Кроме того, подобные целевые установки приходят в противоречие и с личными целями потенциальных магистрантов [10].

В качестве позитивных процессов следует отметить то, что в последние годы происходит переоценка потенциала отечественной магистратуры как инструмента институциональных преобразований. Особенно это касается ведущих вузов (участников «Проекта 5-100» и программы «Приоритет-2030»), где «программы магистратуры стали драйвером и эффективным инструментом преобразований» [11, с. 16]. Программы магистратуры в ведущих вузах создаются с применением новых образовательных и управленческих практик, детализируются направления магистерских программ, появляются узкоспециализированные программы (в том числе под

запросы конкретных работодателей) [5; 11; 12]. Лучшие практики начинают тиражироваться в российской системе высшего образования. Таким образом, отечественная магистратура постепенно становится гибким уровнем ВО.

Чтобы ответить на вопрос о будущем отечественной магистратуры, необходимо понимать, какие задачи она решает в ответ на запросы общества и рынка труда. В этом контексте важно представлять портрет современного магистранта. Исследователи уже обращались к анализу контингента магистратуры российских вузов. Институт образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее – НИУ ВШЭ) в рамках проекта «Рождение российской магистратуры» исследовал динамику численности магистрантов с 2015 по 2019 гг. и распределение контингента по формам и основе обучения в 2019 г. [10]. Д.И. Хлебович приводит данные об изменении численности магистрантов (2012–2019 гг.), основе обучения (2015–2019 гг.), форме обучения (2013–2019 гг.) [13].

Данное исследование дополняет эти работы в части анализа качественного и количественного состава обучающихся в магистратуре российских вузов с 2012 по 2020 гг. В круг рассматриваемых вопросов были включены уже исследованные характеристики, а также все параметры, представленные в статистическом отчете ВПО-1 Министерства науки и высшего образования Российской Федерации¹. Представлен анализ динамики общей численности магистрантов, распределения контингента по формам обучения и источнику финансирования (в том числе для

¹ Форма ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки и высшего образования РФ: Интернет-портал. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 26.09.2022).

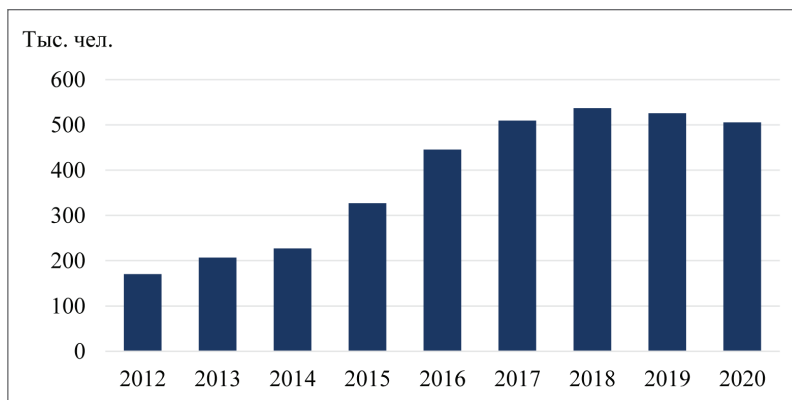

Рис. 1. Динамика общей численности магистрантов, тыс. чел.

Fig. 1. The number of master students' dynamics, thousand people

разных форм обучения). Проанализировано наличие опыта работы у студентов разных форм обучения, а также возрастной и гендерный состав обучающихся. Полученные результаты позволяют представить портрет современного российского магистранта. Выявленные тенденции в изменении профиля магистрантов дают возможность обозначить новые и подсветить уже обсуждаемые актуальные для отечественной магистратуры задачи развития.

Методология исследования

Для анализа использовались открытые статистические данные Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее – Минобрнауки РФ), статистические данные Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, подготовленные совместно с Минобрнауки РФ, Министерством просвещения РФ и Федеральной службой государственной статистики [14–16].

Поскольку использованные источники предоставляют достоверные статистические данные, дополнительная их обработка не производилась. Качественные и количественные параметры анализа контингента магистратуры соответствуют аналогичным параметрам статистического отчёта ВПО-1 Минобрнауки РФ. Такой подход обусловлен

желанием обеспечить возможность проведения дальнейших долгосрочных исследований заявленной проблематики. На данный момент в открытом доступе имеются данные с 2012 по 2020 гг. Именно этот период совпадает с теоретически рассчитанным периодом стабильного существования магистратуры как самостоятельного уровня ВО. Согласно ФГОС, магистратура стала таковой в 2009 г. Первые три года происходило её становление в новом статусе. Таким образом, чтобы исключить влияние переходных процессов на рассматриваемый феномен, для исследования был выбран вышеуказанный временной интервал.

Результаты

Согласно данным Минобрнауки РФ за период с 2012 по 2018 гг. число магистрантов в российских вузах увеличилось в 3,15 раза, с 170 181 до 537 127 человек² (Рис. 1). Удельный вес численности магистрантов в общем количестве студентов, обучающихся по программам ВО³, увеличился с 2012 по 2020 гг. в 4,5 раза. В 2020 г. магистранты составляли 12,3% обучающихся по программам ВО (Рис. 2).

² Здесь и далее все данные приведены на начало учебного года.

³ Программы ВО: бакалавриат, магистратура, специалитет, аспирантура.

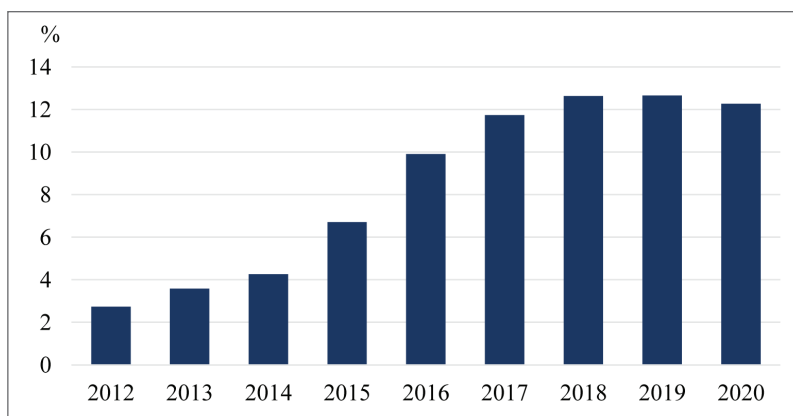

Рис. 2. Динамика удельного веса численности магистрантов в общем количестве студентов, обучающихся по программам ВО, %

Fig. 2. The share of the master students in the total number of all higher education students, %

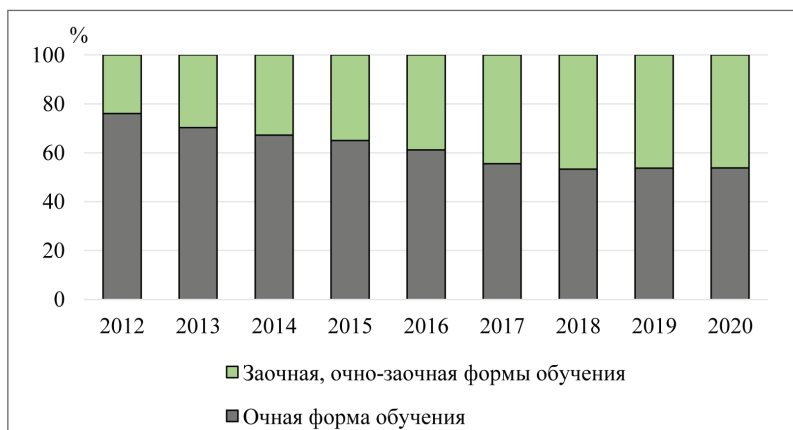

Рис. 3. Распределение численности магистрантов по формам обучения, %

Fig. 3. Distribution of master students by attendance status, %

За последние годы сильно изменилось распределение студентов по формам обучения (Рис. 3). Если раньше подавляющее большинство студентов выбирали очные программы, то в последние годы тенденция меняется. Наиболее резкое изменение произошло с 2012 по 2018 гг., когда соотношение магистрантов очных программ к заочным и очно-заочным изменилось с 19:6 до 53:47. В 2019–2020 гг. 53,7% магистрантов обучались очно, 46,3% – заочно или очно-заочно.

На фоне тенденции увеличения числа студентов, выбирающих заочные и очно-заочные программы, количество магистран-

тов с опытом работы также увеличивается. В таблице 1 показано распределение студентов, впервые принятых на магистерские программы в 2020 г., по формам обучения и наличию опыта работы. 76% магистрантов, выбравших очные программы, не имеют опыта работы, они продолжили обучение сразу после окончания бакалавриата. Большинство поступивших на заочные и очно-заочные программы имеют опыт работы и поступили с перерывом больше года после окончания бакалавриата. Такая тенденция была характерна для набора 2016 г. [2] и 2019 г. [10].

Таблица 1

Распределение студентов, впервые принятых на магистерские программы в 2020 г., по формам обучения и опыту работы (тыс. чел.)

Table 1

Master's programs enrollment in 2020 by attendance status and work experience (thousand people)

Форма обучения	Общая численность	Численность без опыта работы	Численность с опытом работы
Очное обучение	133,637	101,499 (76%)	32,138 (24%)
Заочное и очно-заочное обучение	86,455	37,153 (43%)	49,302 (57%)

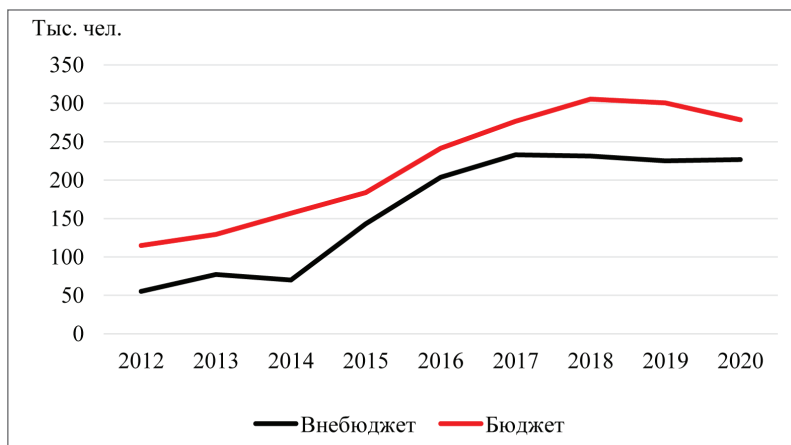

Рис. 4. Динамика численности магистрантов по источнику финансирования, тыс. чел.

Fig. 4. The number of master students' dynamics by tuition fee source, thousand people

На *рисунке 4* показана динамика общей численности магистрантов по источнику финансирования. Численность обучающихся на бюджетных местах с 2012 по 2018 гг. выросла на 160%; с 2018 по 2020 гг. наблюдается уменьшение на 8,7%. К 2017 г. не только увеличилась численность студентов, получающих финансовую поддержку, но и по сравнению с 2012 г. в 4,2 раза возросло число студентов, готовых платить за обучение. В 2017–2020 гг. количество студентов, не получающих финансовую поддержку от государства, было равно около 230 тыс. человек, что составляет приблизительно 45% от общего числа магистрантов.

На *рисунке 5* показано распределение магистрантов по формам обучения и формам финансирования. С 2012 по 2020 гг. на очных программах соотношение числа магистрантов, получающих финансовую помощь, к

числу магистрантов, не получающих финансовую поддержку от государства, остаётся примерно на одном уровне и составляет порядка 88,5 : 11,5 (*Рис. 5а*). Для заочных и очно-заочных программ данное соотношение изменялось в течение 2012–2020 гг. (*Рис. 5б*). Так, число студентов, получающих финансовую помощь, было наибольшим (40,9% от общего числа обучающихся) в 2014 г.; в 2015 г. их число резко уменьшилось до 17,2%. Далее вплоть до 2019 г. доля магистрантов заочных программ, получающих финансовую помощь, возрастала и в 2019 г. составила 30% от общего числа обучающихся заочно. В 2020 г. 28% магистрантов-заочников получали финансовую помощь, 72% обучались за свой счёт.

Наблюдается тенденция перераспределения численности студентов в сторону более старших возрастных групп (*Табл. 2*). За по-

Таблица 2

Распределение численности магистрантов по возрастным группам (%)

Table 2

Distribution of master students by age (%)

Годы	Распределение по возрастным группам				
	< 25	25–29	30–34	35–39	> 39
2016	70,3	16,4	5,6	3,8	3,9
2017	69,57	16,22	5,96	4,0	4,25
2018	65,72	18,48	6,5	4,4	4,9
2019	63,73	18,5	6,9	5,1	5,77
2020	61,85	19,15	7,27	5,55	6,18

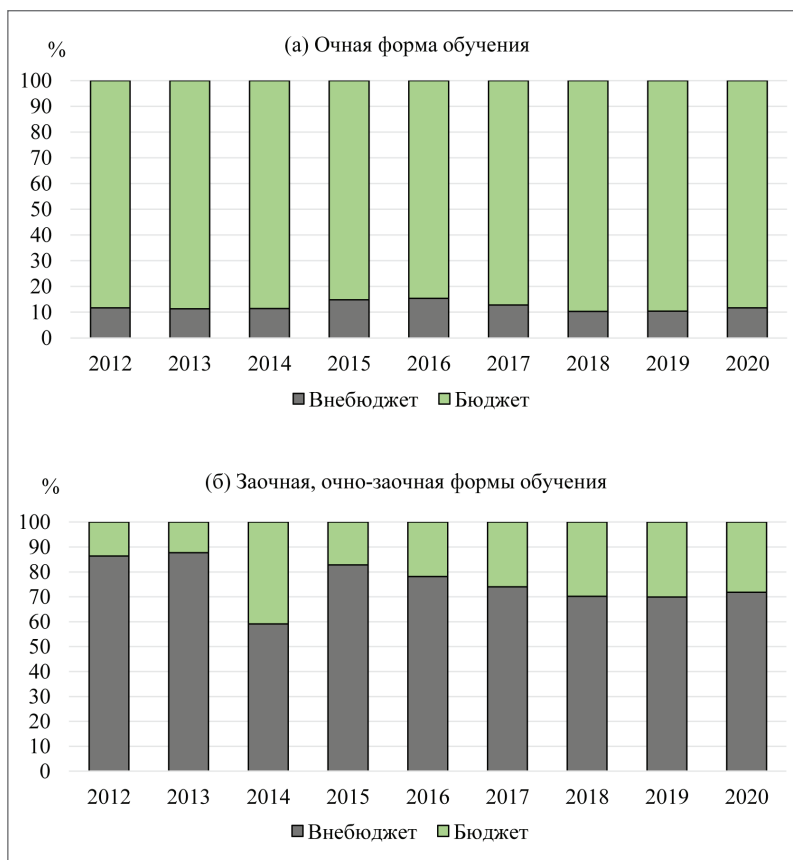

Рис. 5. Распределение численности магистрантов по источнику финансирования среди обучающихся: (а) очно, (б) заочно и очно-заочно, %

Fig. 5. Distribution of full-time master students (a) and part-time master students (b) by tuition fee source, %

следние пять лет самая большая возрастная группа, до 25 лет, уменьшилась на 12%. Количество студентов от 25 до 29 лет увеличилось на 16,7%, от 30 до 34 лет – на 29,8%, от

35 до 39 лет – на 46%. Самое большое увеличение произошло в группе старше 39 лет, где число магистрантов за последние пять лет увеличилось на 58%.

Таблица 3

Гендерный анализ обучающихся по формам обучения (%)

Table 3

Distribution of master students by gender and attendance status (%)

Годы	Женщины		Мужчины	
	Очное	Заочное и очно-заочное	Очное	Заочное и очно-заочное
2016	54,8	45,2	69,2	30,8
2017	48,2	51,8	64,9	35,1
2018	45,9	54,1	62,5	37,5
2019	46,5	53,5	62,3	37,7
2020	46,6	53,4	62,2	37,8

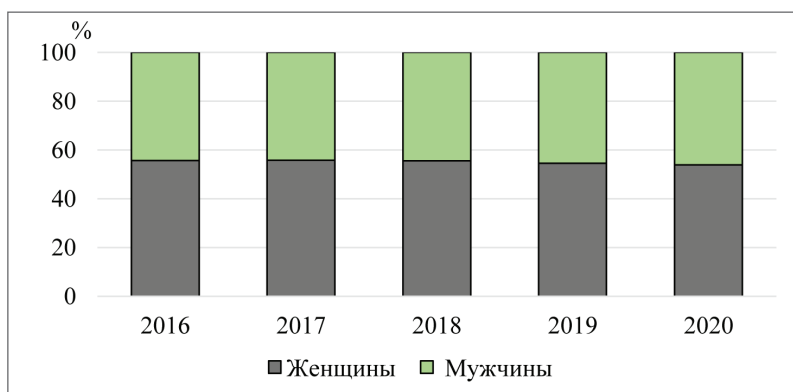

Рис. 6. Распределение численности магистрантов по полу, %

Fig. 6. Distribution of master students by gender, %

Гендерное распределение общей численности магистрантов в течение 2016–2020 гг. практически не изменилось: 55% составляют женщины, 45% – мужчины (Рис. 6).

Гендерный анализ обучающихся по формам обучения (Табл. 3) показал, что в последние годы чуть больше половины женщин выбирают заочные и очно-заочные программы, мужчины с большей вероятностью выбирают очное обучение.

Обсуждение

Исследование показало устойчивые тенденции в изменении численности и демографических данных магистрантов.

Число магистрантов, равно как и их доля в общей численности студентов ВО, увеличивается. С 2012 по 2020 гг. доля студентов магистратуры в общем числе студентов ВО увеличилась более чем в четыре раза. Рост

численности студентов магистратуры обусловлен как государственной политикой финансирования бюджетных мест, так и спросом населения. С 2012 г. почти на треть увеличилось количество магистрантов, готовых инвестировать в своё образование. Можно выделить две основные причины данной тенденции: изменение ценности бакалаврского диплома на рынке труда и различие в конкурентоспособности бакалавров и магистров. В России, как и во многих других странах, степень бакалавра становится всё более распространённой, это приводит к снижению ценности бакалаврского диплома [17–19]. На сегодняшний день на отечественном рынке труда наблюдается дисбаланс между спросом на трудовые ресурсы с ВО и их предложением. Предложение превышает спрос на 18% [20]. Масштаб безработицы среди выпускников вузов зависит от уровня

образования. Так, среди выпускников программ специалитета и магистратуры уровень безработицы составляет 12,8%, среди выпускников бакалавриата – 14,9% [21]. В этих условиях диплом магистра представляет собой дополнительный социальный статус, который может улучшить перспективы трудоустройства.

Важно отметить, что наблюдается резкий контраст в распределении магистрантов по источнику финансирования для разных форм обучения. Абсолютное большинство (88,5%) магистрантов, обучающихся очно, получают финансовую помощь. Среди заочных и очно-заочных программ число таких обучающихся составляет абсолютное меньшинство (в 2020 г. только чуть больше четверти магистрантов получали финансовую помощь). Эта разница определена неоднородным распределением контрольных цифр приёма (КЦП) по формам обучения. В 2019⁴ и 2020⁵ гг. соотношение КЦП для очных программ магистратуры к КЦП для заочных

программ составляло 5 : 1. Несмотря на такое распределение КЦП, доля магистрантов, выбирающих заочную форму обучения, увеличилась с одной четвёртой части в 2012 г. до почти половины в 2020 г. Магистранты вынуждены выбирать заочную форму обучения, поскольку планируют совмещать обучение с работой. По этой же причине они имеют возможность оплачивать обучение.

Растёт численность студентов с опытом работы. Главным мотивом поступления в магистратуру у этой группы является изменение направления подготовки [10; 22]. Эта ситуация отражает условия на российском рынке труда. Согласно результатам исследований В.Н. Рудакова, в 2016–2018 г. 30% выпускников российских вузов работали не по специальности; уровень безработицы в области гуманитарных и общественных наук составлял 13 и 11% соответственно, в сельском хозяйстве – 12%, в сфере искусства и культуры – 12%, среди инженерных специальностей – 10% [21]. Магистратура для выпускников этих специальностей является возможностью получить диплом ВО по новой, более востребованной специальности.

Кроме того, одним из основных мотивов поступления в магистратуру в России, как и в мире, является потенциальная финансовая выгода от диплома магистра [23; 24]. Ожидается, что выпускник магистратуры будет иметь более высокий уровень знаний и навыков, чем студент бакалавриата, что приведёт к более высокой заработной плате [22; 25]. В России уровень заработной платы специалиста с дипломом магистра больше на 5–12%, чем у специалиста с дипломом бакалавра [26].

Гендерный анализ показал, что среди обучающихся в магистратуре преобладают женщины. Подобная тенденция может быть вызвана двумя факторами. Во-первых, по данным Федеральной службы государственной статистики, женщины составляют 54% населения РФ [27]. Во-вторых, подобный гендерный дисбаланс может интерпретироваться как отражение более серьёзных про-

⁴ Приказ Минобрнауки России № 346 от 28.04.2018 «Об установлении организациям, осуществляющим образовательную деятельность, контрольных цифр приёма по специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупнённым группам специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам высшего образования (программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры) за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета на 2019/20 учебный год» // КонсультантПлюс: Интернет-портал. URL: <https://inlnk.ru/Ke7GKk> (дата обращения: 26.09.2022).

⁵ Приказ Минобрнауки России № 137 от 14.03.2019 «Об утверждении общих объёмов контрольных цифр приёма по специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупнённым группам специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам высшего образования за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета на 2020/21 учебный год» // КонсультантПлюс: Интернет-портал. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320506/ (дата обращения: 26.09.2022).

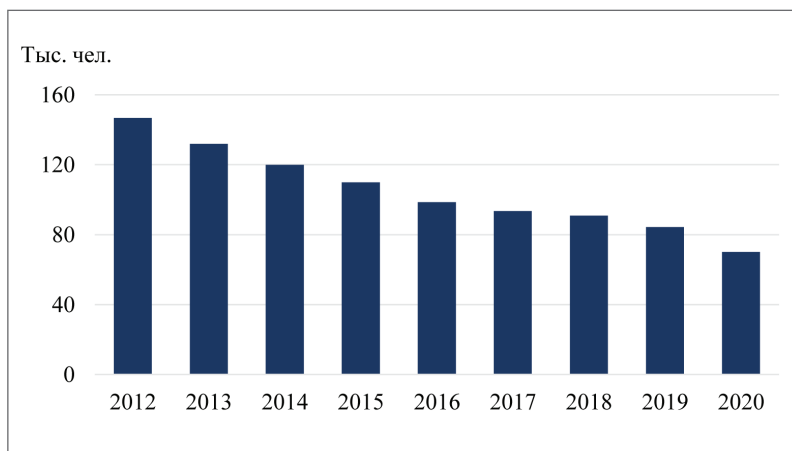

Рис. 7. Динамика численности аспирантов, тыс. чел.

Fig. 7. The number of doctoral students' dynamics, thousand people

блем, с которыми сталкиваются женщины при трудоустройстве после окончания университета по сравнению с мужчинами [28; 29]. В России вероятность трудоустройства выпускников магистратуры среди женщин больше на 10–16%, чем у выпускников бакалавриата, а среди мужчин – на 3–8% [26]. Этот факт, вероятно, побуждает женщин поступать в магистратуру.

Очевидно, что контингент магистрантов становится старше. Это общемировая тенденция, обусловленная увеличением продолжительности активного периода жизни и быстрой сменой профессиональных знаний [30; 31]. Требование идти в профессии в ногу со временем, с одной стороны, и проблемы с трудоустройством в отдельных профессиональных сферах (как уже упоминалось выше) – с другой, приводят в магистратуру всё больше абитуриентов более старших возрастных групп, имеющих опыт работы.

Следует отметить, что изменяется традиционное восприятие студентами магистратуры как ступени к началу академической или научной карьеры. Согласно ряду исследований только для 8–10% нынешних магистрантов мотивом поступления в магистратуру является желание учиться в аспирантуре [10; 32; 33]. Об этом свидетельству-

ет и уменьшение числа аспирантов на фоне увеличения количества обучающихся в магистратуре (Рис. 7).

Заключение

Таким образом, анализ профиля современных магистрантов позволяет составить следующий портрет: современный магистрант – человек взрослый, имеет опыт работы, при необходимости готов не только расширить имеющиеся компетенции, но и получить новые в другой области, предпочитает заочное обучение, за которое готов платить сам, так как считает инвестиции в собственное образование финансово выгодными в перспективе. Если посмотреть на этот феномен с точки зрения проектирования образования, то можно фиксировать следующие факты: увеличивается востребованность магистерского образования; растёт популярность заочного обучения; становится больше доля студентов с опытом работы; формируется преимущественно контингент взрослых магистрантов; возрастает возможность оказания платных образовательных услуг; спрос на программы смещается от академических к прикладным. Каждый факт, по сути, является вызовом, на которые система образования должна ответить.

Одной из первоочередных задач высшей школы является удовлетворение спроса на практико-ориентированные типы магистратур, поскольку большая часть магистрантов не планируют научную карьеру. При проектировании образовательных программ целесообразно предусмотреть гибкую модульную вариативность, предоставляющую возможность быстро модифицировать модули, ориентируясь на потребности рынка труда. Для магистрантов, решивших сменить направление подготовки, актуальной является разработка программ (или отдельных модулей), нацеленных на устранение дефицита теоретических знаний [2; 34]. Для студентов, не меняющих свой академический трек, имеет смысл рассмотреть возможность разработки программ с сокращёнными сроками обучения.

Нельзя игнорировать тот факт, что сегодня в магистратуре обучаются преимущественно взрослые люди. В современной магистратуре нет значимого различия в формах и методах работы со студентами бакалавриата и магистратуры [35; 36]. И это неслучайно: несмотря на смену специфики и целевых ориентиров магистратуры в системе российской высшей школы, уровневость образования до сих пор трактуется как некая ранговость, а не как функционально разные модели обучения. Задача состоит в выстраивании обучения с опорой на андрагогику.

Для реализации принципов андрагогики [37] необходимо учитывать следующие особенности образования взрослых.

В качестве базиса обучения и источника формирования новых знаний используется уже имеющийся у студентов социальный и профессиональный опыт. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» позволяет учитывать опыт практической деятельности при получении образования⁶. Однако из-за отсутствия ме-

ханизма учёта профессионального опыта обучающихся эта возможность вузами практически не реализуется [38].

Процесс обучения выстраивается исходя из образовательных потребностей самого обучающегося и потребностей рынка труда. Выявление образовательных потребностей студентов предполагает наличие от них обратной связи, что означает их активное участие в проектировании образовательной программы.

С точки зрения организации учебного процесса важным является обеспечение студенту возможности изучать предмет, исходя из своего временного ресурса. Для этого широкие возможности предоставляет формат электронного обучения, в применении которого наблюдается положительная динамика. Отчасти этому способствовала ситуация с COVID-19. Доля реализуемых магистерских программ с применением дистанционных технологий увеличилась с 13% в 2019 г. до 56% в 2020 г. В 2020 г. 49% студентов обучались с применением дистанционного обучения, 1,5% от общего числа магистрантов обучались исключительно дистанционно⁷. Актуальной является и разработка программ смешанного обучения.

При проектировании образовательных программ целесообразно предусмотреть возможность для обучающихся формиро-

ных образовательных программ, предоставления возможности одновременного освоения нескольких образовательных программ, а также учёта имеющихся образования, квалификации, опыта практической деятельности при получении образования» // КонсультантПлюс: Интернет-портал. URL: <https://inlnk.ru/4y0Q9a> (дата обращения: 26.09.2022).

⁷ Форма ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки и высшего образования РФ: Интернет-портал. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 26.09.2022).

⁶ ФЗ № 273 «Об образовании в Российской Федерации», Ст. 10 п. 7: «Система образования создаёт условия для непрерывного образования посредством реализации основных образовательных программ и различных дополнитель-

вать собственную образовательную траекторию (и ФГОС 3++ это позволяет). Сегодня вузы лишь формально предоставляют такую возможность [38]. Нет чёткого механизма формирования студентами индивидуальной образовательной траектории с возможностью выбора цели и содержания, форм и методов, сроков и времени обучения.

При выборе педагогических технологий обучения важно учитывать, насколько они способствуют развитию надпредметных навыков (soft skills), которые будут востребованы на рынке труда не только сегодня, но и через несколько лет⁸.

В рассматриваемом контексте также заслуживает внимания задача обеспечения условий для осуществления образования в течение всей жизни. Возможно, в современную магистратуру будет заложен и такой потенциал.

Таким образом, на данном этапе становления российской магистратуры можно выделить следующие её характеристики:

- востребованность как сложившийся запрос на магистерское образование;
- уникальность как возможность развития для специалистов с опытом работы;
- адаптивность как способность быстро реагировать на внешние вызовы;
- самоокупаемость.

Всё это говорит о большом потенциале развития магистерского образования. Дискуссию о его будущем целесообразно выстраивать с опорой на факты (мгновенный снимок ситуации) и сформировавшиеся тенденции (направления развития). Только в этом случае можно говорить о реальной прогностической значимости обсуждения заявленной темы.

⁸ На Всемирном экономическом форуме были обозначены 15 наиболее востребованных к 2025 г. навыков: аналитическое мышление и инновации, активное обучение, комплексное решение проблем, критическое мышление и анализ, креативность, оригинальность и инициативность, лидерство и социальное влияние и др. [9].

Литература

1. Стукалова И.Б. Развитие магистратуры в России: предпосылки, проблемы и перспективы // Современное образование. 2018. № 3. С. 1–8. DOI: 10.25136/2409-8736.2018.3.26892
2. Сенашенко В.С., Пыхтина Н.А. Преемственность бакалавриата и магистратуры: некоторые ключевые проблемы // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 13–25. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1220> (дата обращения: 15.02.2022).
3. Муравьева А.А., Олейникова О.Н. Магистерские программы в контексте международной сопоставимости // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 164–172. EDN EVASDV.
4. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры / Институт образования НИУ ВШЭ; отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савелёнов М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978- 5-317-06396-2
5. Опфёр Е.А. Трансформации российской магистратуры // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 1. С. 36–48. DOI:10.31992/0869-3617-2021-30-1-36-48
6. Тхагапсоев Х.Г. Университет: к стратегии движения «за горизонт» // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 8-9. С. 83–90. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-83-90
7. Петрова О.В., Четюк О.Р., Макарова С.Д., Марико В.В., Горылев А.И. Российская магистратура будущего: четыре траектории развития // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 8-9. С. 20–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-20-33
8. Ермакова Ж.А., Никулина Ю.Н. Качество образования с позиции потребителей образовательных услуг вуза // Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 7. С. 725–734. DOI: 10.18334/ce.11.7.38162
9. The Future of Jobs: Report 2020. World Economic Forum, Geneva, Switzerland, 2020. 163 с. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (дата обращения: 26.09.2022).
10. Образовательные стратегии и профессиональные ориентиры современных российских магистрантов / А.В. Гармонова, Д.В. Щеглова; Институт образования НИУ «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 36 с. (Сер.: Факты образования № 3 (28)).

11. Аржанова И.В., Барышников М.Ю., Вашурина Е.В., Завафькина Л.В., Нагорнов В.А., Перфильева О.В. Магистратура в условиях внешних вызовов и внутренних противоречий / Под ред. И.В. Аржановой. М.: Ваш Формат, 2021. 208 с. ISBN 978-5-6044939-6-0
12. Нечаев В.Д., Евстигнеев М.П., Душко В.Р. Модель «продуктовой» магистратуры для подготовки инженера // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3. С. 57–66. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-3-57-66
13. Хлебович Д.И. Российская магистратура в зеркале данных // Доказательная магистратура: результаты и перспективы / Отв. ред. Гармонова А.В., Щеглова Д.В. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 65–102.
14. Индикаторы образования: 2016 : статистический сборник / Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина, Н.В. Ковалева и др.; НИУ «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2016. 320 с. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/io2016> (дата обращения: 26.09.2022).
15. Индикаторы образования: 2020 : статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Д.Р. Бородин, Л.М. Гохберг и др.; НИУ «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 496 с. URL: <https://issek.hse.ru/news/352550605.html> (дата обращения: 26.09.2022).
16. Индикаторы образования: 2022: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; НИУ «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 532 с. URL: <https://issek.hse.ru/news/557242573.html> (дата обращения: 26.09.2022).
17. Wright E., Horta H. Higher education participation in “high-income” universal higher education systems: “Survivalism” in the risk society // Asian Education and Development Studies. 2018. Vol. 7. No. 2. P. 184–204. DOI: 10.1108/AEDS-07-2017-0061
18. Smolentseva A. Universal higher education and positional advantage: Soviet legacies and neoliberal transformations in Russia // Higher Education. 2017. Vol. 73. No. 2. P. 209–226. DOI: 10.1007/s10734-016-0009-9
19. Konstantinovskiy D.L. Expansion of higher education and consequences for social inequality (The case of Russia) // Higher Education. 2017. No. 74 (2). P. 201–220. DOI: 10.1007/s10734-016-0043-7
20. Университеты на перепутье: высшее образование в России / Д.П. Платонова, Е.С. Абалмасова, С.К. Бекова и др.; под ред. Д.П. Платоновой, Я.И. Кузьминова, И.Д. Фрумина; Институт образования НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 318 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2139-7
21. Рудаков В.Н. Трудоустройство выпускников вузов по профилю полученной специальности // Мониторинг экономики образования: 2020. Т. II. Высшее образование и рынок труда / Сост. Н.Б. Шугаль. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 105–111.
22. O'Donnell V.L., Tobbell J., Lawthorn R., Zammit M. Transition to postgraduate study, practice, participation, and the widening participation agenda // Active Learning in Higher Education. 2009. Vol. 10. No. 1. P. 26–40. DOI: 10.1177/1469787408100193
23. Jung J., Lee S.J. Influence of university prestige on graduate wage and job satisfaction: The case of South Korea // Journal of Higher Education Policy and Management. 2016. Vol. 38. No. 3. P. 297–315. DOI: 10.1080/1360080X.2016.1174408
24. Morgan M. Patterns, drivers and challenges pertaining to postgraduate taught study: An international comparative analysis // Higher Education Research & Development. 2014. Vol. 33. No. 6. P. 1150–1165. DOI: 10.1080/07294360.2014.911258
25. Thomas S.L., Perna L.W. The opportunity agenda: A reexamination of postsecondary reward opportunity // Higher Education: Handbook of Theory and Research: Vol. XIX / J.C. Smart (Ed.). The Netherlands : Springer, 2004. P. 43–84. DOI: 10.1007/1-4020-2456-8_2
26. Рожкова К.В., Роцин С.Ю., Солнцев С.А., Травкин П.В. Отдача на магистерскую степень на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 69–92. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-69-92
27. Российский статистический ежегодник: 2020. М.: Росстат, 2020. 700 с. ISBN 978-5-89476-497-9. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2020.pdf (дата обращения: 26.09.2022).
28. Jung J., Lee S.J. Exploring the factors of pursuing a master's degree in South Korea // Higher Education. 2019. No. 78. P. 855–870. DOI: 10.1007/s10734-019-00374-8
29. Napari S. The early career gender wage gap. London: Centre for Economic Performance, LSE, 2006. 57 p. URL: <https://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp0738.pdf> (дата обращения: 26.09.2022).

30. *Findsen B., Formosa M.* Lifelong Learning in Later Life: International Issues in Adult Education. Berlin : Springer Science & Business Media, 2012. 218 p. DOI: 10.1007/978-94-6091-651-9
 31. *Джуринский А.Н.* Образование в «третьем возрасте» в России // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 156–175. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-156-175
 32. *Волков В.Р.* Портрет потенциального магистра по итогам социологического исследования // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 2. С. 76–79. EDN TYCSLU.
 33. *Макарова С.Н., Вдовина О.А.* Мотивы поступления в магистратуру как фактор, формирующий социальное поведение магистрантов // Журнал педагогических исследований. 2020. Т. 5. № 1. С. 93–100. EDN YAPPGI.
 34. *Мотовилов О.В.* Проблемы подготовки кадров в магистратуре // Высшее образование в России. 2016. № 2 (198). С. 38–45. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/376> (дата обращения: 26.09.2022).
 35. *Гармонова А.В., Щеглова Д.В.* История создания магистерских программ: академический трек vs рынок труда (опыт экономических магистратур Воронежского государственного университета) // Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры / Институт образования НИУ ВШЭ; отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савелёнок. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 9–34. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2
 36. *Поздеева С.И.* Магистратура как пространство профессионально-личностного развития студента и преподавателя // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 3. С. 144–152. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1324> (дата обращения: 26.09.2022).
 37. *Змеёв С.И.* Андрагогика: основы теории и технологии обучения взрослых. М.: ПЕР СЭ, 2007. 294 с.
 38. *Доказательная магистратура: результаты и перспективы* / Отв. ред. А.В. Гармонова, Д.В. Щеглова. М.: МАКС Пресс, 2021. 228 с. ISBN: 978-5-317-06566-9
- Благодарности.** Работа выполнена при поддержке Стипендиальной программы благотворительного фонда Владимира Потанина.
- Статья поступила в редакцию 25.03.22
Принята к публикации 19.08.22*

References

1. Stukalova, I.B. (2018). [Development of Magistracy: Preconditions, Problems and Perspectives]. *Sovremennoe obrazovanie = Modern Education*. No. 3, pp. 1-8, doi: 10.25136/2409-8736.2018.3 (In Russ., abstract in Eng.).
2. Senashenko, V.S., Pykhtina, N.A. (2017). Continuity of Undergraduate and Graduate Programs as a Key Factor of the Quality Assurance in Higher Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 12 (218), pp. 13-25. Available at: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1220> (accessed 15.02.2022). (In Russ., abstract in Eng.).
3. Muravieva, A.A., Oleynikova, O.N. (2020). Master Programs Through the Prism of International Compatibility. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. No. 2 (58), pp. 164-172. EDN EVASDV. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Garmonova, A.V., Savelenok, E.A. (Eds). (2020). *Transformatsiya vysshego obrazovaniya: keisy rossiiskoi magistratury* [Transformation of Higher Education: Cases of the Russian Master's Program]. HSE Institute of Education. Moscow: MAKS Press, 244 p., doi: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2 (In Russ.).
5. Opfer, E.A. (2021). Transformations of Magistracy in Russia. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 1, pp. 36-48, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-36-48 (In Russ., abstract in Eng.).
6. Tkhatapsoev, Kh. G. (2019). University: Toward "Beyond the Horizon" Strategy. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 8-9, pp. 83-90, doi: 10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-83-90 (In Russ., abstract in Eng.).
7. Petrova, O.V., Chepyuk, O.R., Makarova, S.D., Mariko, V.V., Gorylev, A.I. (2021). Master's Programs in Russia: Four Paths of Future Development. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 8-9, pp. 20-33, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-20-33 (In Russ., abstract in Eng.).

8. Ermakova, Zh.A., Nikulina, Yu.N. (2017). The Quality of Education from the Viewpoint of Consumers of Educational Services at the University. *Kreativnaya ekonomika = Journal of Creative Economy*. Vol. 11, no. 7, pp. 725–734, doi: 10.18334/ce.11.7.38162 (In Russ., abstract in Eng.).
9. World Economic Forum (2020). *The Future of Jobs: Report 2020*. Switzerland, 163 p. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (accessed 26.09.2022).
10. Garmonova, A.V., Shcheglova, D.V. (2020). *Obrazovatel'nye strategii i professional'nye orientiry sovremennykh rossiiskikh magistrantov* [Russian Masters' Student: Education Strategies and Professional Goals]. HSE Institute of Education. Moscow: HSE Publ., 36 p. (In Russ.).
11. Arzhanova, I.V., Baryshnikova, M.Yu., Vashurina, E.V., Zavarykina, L.V., Nagornov, V.A., Perfilieva, O.V. (2021). *Magistratura v usloviyakh vnesnykh vyzovov i vnutrennykh protivorechiy* [Magistracy in Conditions of External Challenges and Internal Contradictions]. Moscow: Vash Format Publ., 208 p. (In Russ.).
12. Nechaev, V.D., Evstigneev, M.P., Dushko, V.R. (2019). The Model of 'Product' Magistracy for Engineering Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 3, pp. 57–66, doi: 10.31992/0869-3617-2019-28-3-57-66 (In Russ., abstract in Eng.).
13. Khlebovich, D.I. (2021). Russian Magistracy in the Mirror of Data. In: Garmonova, A.V., Shcheglova, D.V. (Eds.). *Dokazatel'naya magistratura: rezul'taty i perspektivy* [Evidence-Based Master's Education: Results and Prospects]. Moscow: MAKSS Press, pp. 65–102. (In Russ.).
14. Gokhberg, L.M., Zabaturina, I.Yu., Kovaleva N.V. et al. (2016). *Indikatory obrazovaniya: 2016 : statisticheskiy sbornik = Indicators of Education in the Russian Federation: 2016: Data Book*. Moscow: HSE Publ., 320 p. Available at: <https://www.hse.ru/primarydata/io2016> (accessed 26.09.2022). (In Russ.).
15. Bondarenko, N.V., Borodina, D.R., Gokhberg, L.M. et al. (2020) *Indikatory obrazovaniya: 2020: statisticheskiy sbornik = Indicators of Education in the Russian Federation: 2020: Data Book*. Moscow: HSE, 496 p. Available at: <https://issek.hse.ru/news/352550605.html> (accessed 26.09.2022). (In Russ.).
16. Bondarenko, N.V., Gokhberg, L.M., Zorina, O.A. et al. (2022) *Indikatory obrazovaniya: 2022: statisticheskiy sbornik = Indicators of Education in the Russian Federation: 2022: Data Book*. Moscow: HSE, 532 p. Available at: <https://issek.hse.ru/news/557242573.html> (accessed 26.09.2022). (In Russ.).
17. Wright, E., Horta, H. (2018). Higher Education Participation in "High-Income" Universal Higher Education Systems: "Survivalism" in the Risk Society. *Asian Education and Development Studies*. Vol. 7, no. 2, pp. 184–204, doi: 10.1108/AEDS-07-2017-0061
18. Smolentseva, A. (2017). Universal Higher Education and Positional Advantage: Soviet Legacies and Neoliberal Transformations in Russia. *Higher Education*. Vol. 73, no. 2, pp. 209–226, doi: 10.1007/s10734-016-0009-9
19. Konstantinovskiy, D.L. (2017). Expansion of Higher Education and Consequences for Social Inequality (The Case of Russia). *Higher Education*. Vol. 74, no. 2, pp. 201–220, doi: 10.1007/s10734-016-0043-7
20. Platonova, D.P., Abalmasova E.S., Bekova S.K. et al. (2019). *Universitety na pereput'e: Vysshee obrazovanie v Rossii* [Universities are at the Crossroad: Higher Education in Russia]. HSE Institute of Education. Moscow: HSE Publ., 318 p., doi: 10.17323/978-5-7598-2139-7 (In Russ.).
21. Rudakov, V.N. (2021). [Employment of Graduates According to Specialties Received]. In: Schugal, N.B. (Ed.). *Monitoring ekonomiki obrazovaniya: 2020. T. II. Vysshee obrazovanie i rynek truda* [Monitoring of Educational Markets and Organization: 2020. Vol. II. Higher Education and the Labor Market]. Moscow: HSE Publ., pp. 105–111. (In Russ.).
22. O'Donnell, V.L., Tobbell, J., Lawthorn, R., Zammit, M. (2009). Transition to Postgraduate Study, Practice, Participation, and the Widening Participation Agenda. *Active Learning in Higher Education*. Vol. 10, no. 1, pp. 26–40, doi: 10.1177/1469787408100193
23. Jung, J., Lee, S.J. (2016). Influence of University Prestige on Graduate Wage and Job Satisfaction: The Case of South Korea. *Journal of Higher Education Policy and Management*. Vol. 38, no. 3, pp. 297–315, doi: 10.1080/1360080X.2016.1174408
24. Morgan, M. (2014). Patterns, Drivers and Challenges Pertaining to Postgraduate Taught Study: An International Comparative Analysis. *Higher Education Research & Development*. Vol. 33, no. 6, pp. 1150–1165, doi: 10.1080/07294360.2014.911258

25. Thomas, S.L., Perna, L.W. (2004). The Opportunity Agenda: A Reexamination of Postsecondary Reward Opportunity. In: Smart, J.C. (Ed.). *Higher Education: Handbook of Theory and Research: Vol. XIX*. The Netherlands : Springer, pp. 43–84, doi: 10.1007/1-4020-2456-8_2
26. Rozhkova, K.V., Roshchin, S.Y., Solntsev, S.A., Travkin, P.V. (2021). The Return to Master's Degree in the Russian Labor Market. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8, pp. 69–92, doi: 10.32609/0042-8736-2021-8-69-92 (In Russ.).
27. *Rossiiskiy statisticheskiy ezhegodnik 2020* (2020). [Russian Statistical Yearbook 2020]. Moscow : Rosstat Publ., 700 p. ISBN 978-5-89476-497-9. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejagodnik_2020.pdf (accessed 26.09.2022). (In Russ.).
28. Jung, J., Lee, S.J. (2019). Exploring the Factors of Pursuing a Master's Degree in South Korea. *Higher Education*. No. 78, pp. 855–870, doi: 10.1007/s10734-019-00374-8
29. Napari, S. (2006). *The Early Career Gender Wage Gap*. London : Centre for Economic Performance, LSE, 57 p. Available at: <https://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp0738.pdf> (accessed 26.09.2022).
30. Findsen, B., Formosa, M. (Eds.). (2012). *Lifelong Learning in Later Life: International Issues in Adult Education*. Berlin : Springer Science & Business Media, 218 p., doi: 10.1007/978-94-6091-651-9
31. Dzhurinskiy, A.N. (2018). Education for People of the “Third Age” in Russia. *The Education and Science Journal*. Vol. 20, no. 10, pp. 156–175, doi: 10.17853/1994-5639-2018-10-156-175 (In Russ., abstract in Eng.).
32. Volkov, V.R. (2021). Portrait of a Potential Master Based on the Results of a Sociological Study. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Revue of Economy, the Law and Sociology*. No. 2, pp. 76–79. EDN TYCSLU. (In Russ., abstract in Eng.).
33. Makarova, S.N., Vdovina, O.A. (2020). Reasons for Admission to the Master's Program in Education as a Factor in the Social Behavior of Undergraduates. *Zburnal pedagogicheskikh issledovaniy* [Journal of Educational Research]. Vol. 5, no. 1, pp. 93–100. EDN YAPPGI. (In Russ., abstract in Eng.).
34. Motovilov, O.V. (2016). Problems of Master's Degree Training in Economics. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 2 (198), pp. 38–45. Available at: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/376> (accessed 26.09.2022). (In Russ., abstract in Eng.).
35. Garmonova, A.V., Shcheglova, D.V. (2020). [The History of the Creation of Master's Programs: Academic Track vs Labor Market (Experience of Master's Programs in Economics at Voronezh State University)]. In: Garmonova, A.V., Savelenok, E.A. (Eds.). *Transformatsiya vysshego obrazovaniya: keisy rossiiskoi magistratury* [Transformation of Higher Education: Cases of the Russian Master's Program]. HSE Institute of Education. Moscow : MAKS Press, pp. 9–34, doi: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2 (In Russ.).
36. Pozdeeva, S.I. (2018). Master's Degree Environment as a Space for Personal Professional Development of Students and Professors. *Vysshee obrazovanie v Rossi = Higher Education in Russia*. Vol. 27, no. 3, pp. 144–152. Available at: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1324> (accessed 26.09.2022). (In Russ., abstract in Eng.).
37. Zmeev, S.I. (2007). *Andragogika: osnovy teorii i tekhnologii obucheniya vzroslykh* [Andragogy: Fundamentals of Theory and Technology of Adult Education]. Moscow : PER SE, 294 p. ISBN -98549-022 (In Russ.).
38. Garmonova, A.V., Shcheglova D.V. (Eds.) (2021). *Dokazatel' naya magistratura: rezul'taty i perspektivy* [Evidence-Based Master's Education: Results and Prospects]. Moscow: MAKS Press, 228 p. ISBN: 978-5-317-06566-9 (In Russ.).

Acknowledgement. The work was supported by the Vladimir Potanin Charitable Foundation Scholarship Program.

The paper was submitted 25.03.22.

Accepted for publication 19.08.22